

ЧЕСТЬ ИМЕЮ

— Гри-и-ша! Ты скоро?!

Иринке исполнилось уже четыре года, и в ее манерах появились те нетерпеливые нотки, которые присущи девчонкам постарше. А вот Гришке было не до игр. В свои одиннадцать он отлично справлялся с работой по дому, воспитанием младшей сестры и учебой в школе. Еще он подрабатывал на конюшне. И даже сейчас, пока Иринка скучала в ожидании брата у входной двери, Гришка собирал для мамы обед. Светлана Викторовна работала экскурсоводом в Сусанинском краеведческом музее и не всегда успевала приходить домой пообедать.

У входа стоял большой автобус. «Экскурсия. Опять маме не поехать нормально», — заворчали Гришкины мысли, но буквально через минуту он заворуженно смотрел на довольно большую группу мальчишек в красивой военной форме. Они приехали со своим учителем. Мужчина в гражданском костюме, но с военной выправкой и поставленным голосом заканчивал свое повествование, как вдруг обратился к ребятам:

— Итак, простой крестьянин Иван Сусанин ценой своей жизни спас честь и достоинство юного царя и показал врагу мощь русского патриотизма. Он отдал свою жизнь бескорыстно. Вот вы решили связать свою жизнь с военной службой. Спросите себя, готовы ли вы на подвиг, когда потребуется?

И вдруг в музейной тишине раздался звонкий голос Гришки:

— Я готов!

Все обернулись и недоуменно посмотрели на рыжего мальчугана. Кто-то

хихикнул. А вот Светлане Викторовне уже в который раз было не до смеха. Она бросила на Гришку выразительный взгляд, приложила палец к губам и угрожающе зашептала:

— Ты чего?! Опять?! Давай на улицу! — Он сам спросил!

— Ну не у тебя же спросил...

— Так они же молчали!

Светлана Викторовна, зная, что этот разговор не приведет ни к чему,

сдержалась. И еще раз, уже более строго, она сказала: «Бегом на улицу!» Экскурсия закончилась, и все пошли к выходу. А на улице цвела весна и было неопишимо красиво! Неудивительно, что когда-то именно сюда, в Сусанино, приехал Саврасов писать главную картину своей жизни! Пока все фотографировались, пытались запечатлеть историю и себя, Анатолий Петрович, а именно так звали педагога, приехавшего с юными кадетами, подошел

к Светлане Викторовне.

— Бойкий паренек. Ваш сын?

— Да. Только не подумайте, что он болтун. Просто всегда говорит, что думает.

— И как же Вы с ним справляетесь?

— Я? Вы знаете, что кошка думает, что не она у хозяина живет, а он у нее?

Вот и Гришка думает, что это он с нами справляется. — С кем это «с нами»?

— Со всем поселком.

— Вот как? Интересно.

На улице Анатолий Петрович и Светлана Викторовна наблюдали, как Гришка что-то очень активно объясняет пожилому мужчине, по виду местному конюху.

Увидев, что его ждут, Гришка торопливо попрощался и подошел к ним.

— Ну что? Парень ты боевой, поедешь учиться в кадетский корпус?

— Боевых в бою проверяют!

— Ну, вот и проверим, — за усами Анатолия Петровича скрывалась добрая

улыбка.

Они сидели у кабинета директора Костромского кадетского корпуса. Ирина

липла к маме, а Гришка первый раз в своей жизни волновался не на шутку. Стать военным было его мечтой, но он даже не думал, что она может осуществиться так скоро. Но то, что было мечтой для него, для Марка Переделова было ка- торгой. И сейчас в кабинете директора ухоженная молодая женщина пыталась всеми способами устроить в кадетский корпус своего «неразумного» сына.

— А Вы уверены, что это призвание Марка — связать свою жизнь с военной службой? — Владимир Иванович уже минут сорок сдерживал себя, чтобы не попросить их уйти.

— Ну что Вы говорите? Кто из мальчишек в шестнадцать лет знает, кем хочет стать?

— К нам со всей области едут. Многие из ребят уже в одиннадцать и знают, и стремятся.

Владимир Иванович понимал, что говорить бесполезно. Слишком велико было желание отдать своего непослушного сына на пятидневку.

Гришка видел, как из кабинета вышли довольная женщина и безразличный ко всему подросток. Светлана Викторовна внимательно посмотрела на взволнованного сына.

— Пойдем? Навстречу судьбе...

И вот для Гришки началась совсем другая жизнь. Все, как мечтал, даже лучше. Как никто другой, он готовился давать клятву курсанта. Всю ночь Григорий повторял слова, размышляя, что каждое слово клятвы — это один удар его сердца. И если нарушить из нее хоть слово — все равно, что сердце остановить. От этих мыслей

Гришка казался себе очень умным, поэтому наполнялся силой и гордостью. Уснул он только под утро и чуть не опоздал на построение. Но этот день был самым лучшим днем в его жизни. А дальше понеслось. Строевая подготовка, учеба, рукопашный бой, фехтование, танцы, хор. Но главное — конюшня! Здесь ему не было равных даже среди старшеклассников. Поначалу за излишнюю прямолинейность его прозвали «Деревня». Небольшого роста, рыжеволосый, с кучей веснушек и с немного оттопыренными ушами, Гришка и впрямь смахивал на «Деревню», но после первого посещения конюшни ребята стали по-другому смотреть на своего товарища. И звали его теперь только по имени.

Светлана Викторовна регулярно получала по электронной почте письма от своего сына с подробными поручениями и всевозможными уточнениями. «Мама, гречневую кашу Иринке не вари, она ее выбрасывает. Лучше вари рис и макароны. В воскресенье ко мне приезжать не надо. Пусть дядя Миша, когда поедет, захватит из Северного маму Кости Володина. Она ждет ребенка, и ей безопаснее ехать на машине. Конюху скажи, чтобы Стрелу чешал почаще, и на морковке не экономил, приеду на каникулы, проверю. У меня все отлично. Пока!»

Однажды на ужине Гришка заметил, что у Кости на тарелке один гарнир. - 166 -

— А где курица?

Костя куда-то махнул рукой и улыбнулся.

— Первый раз решил поставить и проиграл.

— О чем спорили?

— Что будет на ужин. Уверен был, что сосиски.

— Кто выиграл?

— Марк. У него нюх на еду. Ребята говорят, ни разу не промахнулся. Гришка заулыбался, представив, как большой, толстый Марк играет на ку-

рицу с тощим Костей.

— Слушай, а зачем тебе еще курица? Еды же хватает.

Костя серьезно посмотрел Гришке в глаза, оценивая, можно ли ему доверять. — Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Они вышли из корпуса и, завернув за угол, подошли к доскам, из которых

собирались что-то достраивать во дворе. За ними на подстилке из полотенца лежал восхитительный щенок. Когда он увидел ребят, то сразу вскочил и весело завилял хвостом. Гришка аж присвистнул.

— Откуда?! Тебя же выгонят вместе с ним, если узнают!

— Я знаю. Мама за мной на выходные приедет, и я его увезу. Только бы до субботы продержаться.

— Где ты его нашел?

— Помнишь, на соревнованиях ездили? Слышу, под водосточной трубой кто-то скулит. Голодный весь, ободраный. Вот взял с собой.

— Ты ему дал имя?

— Дал. Буран.

- Ну ты даешь, — Гришка засмеялся, — так коней называют.
- А собак как? — Костя выглядел совсем растерянным.
- Смотри, какие у него глаза. Верный его зовут.
- Точно! Верный!
- Может, воспитателю скажем? — Гришка гладил щенка, а тот смотрел на

ребят такими преданными и признательными глазами, что сердце сжималось от сострадания к этому маленькому одинокому существу.

— Я хотел, — Костя совсем сник, — но тогда его точно заберут, а так я его домой маме передам.

Гришка шел на кухню с планом, как раздобыть еду маленькому другу. План был простой — сказать повару правду. Он всегда так делал, и это всегда срабатывало.

Перед тем, как открыть дверь, Гришка вздохнул поглубже, и тут отчетливо услышал голос Марка.

— Значит сегодня вечером точно плов? Как у вас так вкусно получается готовить, тетя Юль? До свидания, я завтра зайду.

Дверь открылась, и Марк очутился лицом к лицу с Григорием, по виду которого было понятно, что он в курсе ставок на ужин.

Марк нагнулся к Гришке, который был ниже его на целую голову, и прошептал угрожающим шепотом:

— А рот свой откроешь, завтра же эта вонючая собака будет на улице. Ясно выражаюсь, Деревня?

— Я никогда с такими людьми, как ты, ни на какие сделки не иду, ни в какие игры не играю и ни о чем договариваться никогда не буду.

— Вообще не соображаешь, с кем разговариваешь?! Рассказать никому не успеешь, я тебя урою.

— Зачем мне им рассказывать, что подлость существует? Придет время, узнают. А с тобой я и сам справлюсь, — Гришка отвернулся от Марка и пошел по коридору.

Здоровяк смотрел в спину этого мальчишки, который в состоявшемся разговоре имел явное преимущество. И тут губы Марка растянулись в неприятной улыбке.

— Тебе здесь не учиться. Собирай вещи, Деревня.

Гришке было о чем подумать. Марк знает про щенка, а еще он обманывает ребят. Как правильно поступить, Григорий пока не знал.

«Уговорю Костю с утра пойти к Анатолию Петровичу. Он офицер, а значит примет правильное решение. Расскажем все как есть: и про Костину маму, и про щенка. Только про то, что Марк поступает нечестно, говорить не буду. Пусть он сам разбирается со своей совестью».

Но утром его вызвали в кабинет директора. Он сидел за столом, а у окна стоял Анатолий Петрович. Владимир Иванович говорил, как всегда, спокойно и сдержанно.

— Григорий, тут на тебя жалуются. С самого утра мама одного курсанта телефон сорвала, рассказывая, как ты, злостный нарушитель дисциплины, сам не учишься и другим спокойно учиться не даешь. Так вот она не только нам позвонила, а еще и в отдел образования. Сказала, что мы тут развели бардак и антисанитарию.

Он сделал небольшую паузу и внимательно посмотрел на Гришку.

— Ну, по лицу вижу, знаешь, о ком говорю. Вот я хочу спросить тебя, как человека, давшего клятву курсанта. Это правда, что ты прядешь собаку?

— Да, правда. Только не забирайте Верного. Его в субботу уже здесь не будет.

— Его уже сегодня не будет. А до субботы тебе надо очень постараться самому здесь остаться.

После небольшой паузы прозвучал второй вопрос:

— А на ужин играешь? Ставки делаешь?

Что творилось сейчас с Гришкиным сердцем! Оно так громко и сильно

стучало, что казалось, что сейчас выпрыгнет. В первый раз жизнь столкнула Гришку с такой вещью, как клевета.

— Нет.

— Ну, хорошо. Предположим, мы тебе верим. А ты знаешь, кто это придумал, зачем?

— Кто придумал, пусть сам за себя ответит.

— Понимаешь, — Алексей Петрович оторвался от окна, — жалобы родителей, собака, казино... не многовато для младшего курсанта кадетского корпуса? Ты вот хотел в бою себя проверить. А вот попробуй в обычной жизни себя и проверить, и не потерять.

Алексей Петрович подошел к Гришке близко, как тогда у музея Сусанина, посмотрел ему в глаза и сказал очень тихо, но строго:

— Свободны, курсант.

Как только за Григорием закрылась дверь, лицо Алексея Петровича вновь осветила добрая улыбка.

— Хороший мальчишка. Смелый, честный.

— Думаете, он один справится? — Владимир Иванович выглядел более озабоченным, чем его заместитель.

— Один-то? Его мама рассказывала, как он с целым поселком справляется, а тут Марк Переделкин. Ну а если что — подстрахуем.

У входа в столовую Гришка встретил Костю, который смотрел на него как на предателя.

— А я тебе еще поверил.

— Они про тебя не знают. Думают, что это я Верного спрятал. А на ужин больше не ставь, и ребятам скажи, чтобы не ставили.

В столовой Марк сидел и ухмылялся. А Гришка ловил косые взгляды и спрашивал себя, как он должен поступить? Встать и всем сказать, что его оклеветал Марк, потому что он его застукал на кухне? Но что-то внутри не давало ему покоя, и он решил пока промолчать. Гриша шел по коридору и вдруг остановился перед портретами великих полководцев, русских офицеров. Как поступили бы в этой ситуации Суворов или Нахимов? И как ответ на все вопросы, над портретами висел девиз кадетского корпуса: «Честь превыше всего».

В пятницу всех кадетов повезли на конюшню. Перед соревнованиями хотели выбрать тех, кто уверенно держится в седле. Перед входом стояла машина для перевозки лошадей, и в нее заводили красивую серую кобылу. Начали со старших. Когда дошли до девятого класса, все с изумлением увидели, как большой Марк боится лошадей, а ему к тому же непокорный Капрал достался. Все были в седле. И только тренер дал сигнал по кругу рысью, как раздался шум отъезжающей машины и ржание кобылы. И трагедией это стало именно для Капрала. Он рванул с места и, не замечая криков ошарашенного Марка, понесся догонять машину. Реакция Гришки была мгновенной. Он подлетел к ближайшему парню на лошади и с криком «Слезай!» сам вскочил в седло и поскакал наперерез Капралу, который словно взбесился и нес Марка к реке. Гришкина лошадь перескакивала через пни, а ветки деревьев царапали его лицо. «Только бы успеть», — пронеслось в Гришкиной голове. Он еще больше пришпорил своего коня и рванул на обгон. Перед самым берегом реки Гриша развернул коня и резко затормозил. Его лошадь встала на дыбы, скинув своего рыжего седока. Зато Капрал сразу сбавил ход и спокойно пошел вдоль берега. Трясущийся Марк прыгнул с Капрала и подошел к лежащему Гришке. К ним уже мчались тренер и ребята.

Около медицинского кабинета стояла толпа курсантов, которые разными - 170 -

способами пытались уговорить врача пустить их навестить Гришку. Но врач был непреклонен.

— С вашим Гришкой все в порядке, небольшой ушиб. Завтра уже придет на учебу.

— А чего тогда не пускаете? — чувствующий свою вину Костя очень хотел увидеть своего друга.

— А не пускаю, потому что не положено.

Доктор оценил обстановку и, видя, что уговоры бесполезны, сказал тоном, не допускающим возражений:

— А ну, разойдись! Марк, можешь войти к своему спасителю, но только один.

Марк стоял у кровати Гришки и выглядел куда менее уверенным, чем во время их последнего разговора.

— Там... Костя к директору ходил. Сказал, что это он собаку прятал.

Марк сделал паузу в надежде, что Гришка поддержит разговор. Но этого не произошло, и неловкость возросла еще больше. — Его выходных лишили.

— Зачем ты здесь? — Гришка смотрел на своего посетителя с открытой жа- лостью.

— Да куда не пойду, все только и говорят: «А ты уже навестил своего спа- сителя?»

— Я не о том. Зачем ты поступил в кадетский корпус? — Гришка не сводил глаз с окончательно растерявшегося Марка. — Неужели нет ничего, что ты делаешь с удовольствием?

Марк неожиданно для себя выпалил:

— Печенье.

Гришка был доволен. Теперь все встало на свои места.

— Знаешь, может я и Деревня, но точно знаю, что хороший повар стране

нужен больше, чем плохой военный.

Владимир Иванович вместе с чашкой чая пододвинул маме Марка Пере- делкина тарелку с песочным печеньем.

— Угощайтесь? Нравится? Ваш сын делал.

— На что вы намекаете? — она выглядела на редкость растерянной.

— А я не намекаю, а прямо говорю. Мы подготовили документы Марка о переводе в обычную школу, можете сегодня его забрать домой.

Владимир Иванович вытащил папку с бумагами и положил ее перед рас- строенной женщиной.

— Я буду жаловаться...

— На кого? Вот объяснительная записка вашего сына, где он подробно рас- сказывает, как заставлял младших курсантов делать ставки на ужин, как их обманывал. Здесь же описано, как свалил всю вину на курсанта нашего кор- пуса Григория Свирина. Хотите почитать?

Радостный Гришка в форме кадета шел по своему родному поселку Суса- нино. А навстречу ему бежали взволнованные мама и Иринка.

— Гриша?! Что случилось? Выгнали?! — Светлана Викторовна подбежала к сыну и взяла его за плечи.

— Мама, почему выгнали? Поощрили! Объявили внеочередное увольне- ние за спасение товарища! Да и у вас тут, я смотрю, пора порядок навести...

